
Рокси
НОКС
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
СВЕКОР
ГЕНЕРАЛ
18+
Спасу от наказания

Рокси Нокс

Свёкор-генерал. Спасу от наказания

«Автор»
2026

Нокс Р.

Свёкор-генерал. Спасу от наказания / Р. Нокс — «Автор», 2026

Меня бросили в камеру за преступление, которого я не совершала.А муж предательски отчеканил в трубку: «Разводимся. Мне не нужна жена-зэчка».Но реальный ад начался, когда на пороге изолятора появился его отец. Мой свёкор. Могущественный и опасный генерал Садыков, перед которым трепещут все.— Я вытащу тебя отсюда, Катя, — произносит он, и от его голоса мороз по коже. — Но взамен ты согласишься на мои условия. Я требователен. Жесток. Но ты будешь делать всё, что я прикажу — без возражений и слёз. Никаких «нежнее» и «помедленнее». Или соглашаешься прямо сейчас, или завтра едешь по этапу!И я согласилась. Пошла на сделку с дьяволом, даже не подозревая, какую цену мне придётся заплатить...

© Нокс Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 16
Глава 5 19
Глава 6 23
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Рокси Нокс
Свёкор-генерал. Спасу от наказания

Глава 1

Серый бетон и холод. Холод, достающий до самых костей.

Тусклая лампочка мерцает под потолком и непривычный шум за дверью – шаги, лязг замков, чей-то крик. Но самое страшное – тишина между этими звуками, когда я остаюсь наедине с тем, что случилось.

Меня арестовали за мошенничество в особо крупном размере.

Абсурд. Дикость. Я до последней копейки выверяла каждую проводку, ночами сидела над балансами, а теперь на мне клеймо уголовницы. На фиктивных документах стоит моя электронная подпись. Моя! Которую я никому не передавала.

В глазах до сих пор режет от воспоминаний о сегодняшнем утре.

Офис. Опергруппа. Двое в форме встают по обе стороны от моего стола.

На столе так и осталась лежать распечатка квартального отчёта.

Коллеги, с которыми мы еще утренний кофе пили, стыдливо отводят взгляды, отворачиваются к мониторам, прячутся за экранами. Никто не заступился. Никто даже не спросил, что происходит. Меня просто вывели под конвоем сквозь тишину, в которой рушилась вся моя выверенная, честная жизнь.

А к маме я так и не доехала.

У неё вторую неделю скачет давление. Я ведь купила ей новый тонометр – хороший, с мягкой манжетой. Он так и остался лежать в моей сумке, которую забрали при досмотре.

Представляю, как она сейчас сидит у окна. Вглядывается в темноту двора, чашка чая на столе остывает, телефон молчит. Она ждёт. А её дочь заперта в душной клетке.

Горло сжимает сухим спазмом. Плотно зажимаю рот ладонью и заставляю себя дышать – глубоко, через нос.

Только не плакать. Заревёшь сейчас – рассыплешься на куски. А мне нужна собранность.

– Пожалуйста, один звонок, – говорю, наверное, в десятый раз через решетку. – У меня ведь есть на это право!

***

Конвойный молча ведёт меня по узкому коридору. Мои каблуки стучат по пыльному линолеуму, и я считаю шаги, чтобы не думать о страшном.

Раз, два, три. Ра-аз, два-а, три-и.

Считать меня учили с двух лет – я бухгалтер со стажем, и цифры меня всегда спасали.

Кабинет. Стационарный аппарат на столе. Пальцы соскальзывают с пластиковых кнопок, пока я набираю знакомый номер.

Длинный гудок. Второй. Третий.

Возьми трубку. Пожалуйста, возьми...

– Да?

Голос Адиля в динамике звучит так буднично, что у меня на секунду перехватывает дыхание.

– Адиль, – выдыхаю я, прижимая трубку к уху обеими руками. – Это я! Меня арестовали... прямо из офиса забрали! Адиль, тут какая-то дикая ошибка, мне нужен адвокат. Вытащи меня отсюда!

– Катя, я уже знаю, мне звонили, – обреченно выдыхает муж. – Как ты хочешь, чтобы я тебе помог?

– Мне нужен адвокат. А лучше сам приезжай!

– Ты с ума сошла? – его голос резко падает до шепота и срывается на шипение. – Если я сунусь в изолятор со своими МИДовскими корочками, то… Хочешь подставить мою карьеру под удар. Да, Катя? – спрашивает зло.

От его тона внутри всё замирает.

– Адиль, я ни в чём не виновата... Меня подставили! Сделай хоть что-нибудь! Позвони отцу... Айдар Наильевич – генерал, у него связи, один его звонок...

В трубке повисает плотная, тяжелая пауза. Я слышу ровное дыхание мужа.

– Адиль?

– Катя, – произносит он абсолютно чужим, отстранённым голосом. Так говорят с назойливыми попрошайками на улице. – Отцу я звонить не буду. Напомнить, что он сказал на нашей свадьбе? Я не собираюсь слушать лекцию на тему «я же предупреждал, что эта девица из низов тебя утопит».

– Адиль, ты не понимаешь, это какая-то ошибка! Я ничего не делала… – трясу головой.

Удар под дых. Генерал Садыков действительно презирал меня с первого дня. Для него я была простолюдинкой, мелкой служащей без роду и племени, случайно затесавшейся в их номенклатурную семью.

– Адиль, мы же супруги... – лепечу я, теряя опору под ногами.

– Были супругами, Кать, – ровно перебивает он. – Послушай меня внимательно. Я подаю на развод. В понедельник адвокат принесёт бумаги.

Мир вокруг схлопывается. Звук гаснет.

Трубка в моей руке становится тяжелой, как свинец.

– Что? – переспрашиваю шепотом, надеясь, что я все-таки ослышалась.

– Мы разводимся, – чеканит муж каждую букву. – Это логично. Когда в министерстве узнают, что у меня жена под следствием по уголовной статье... Мне пятно на репутации не нужно. Какой скандал полыхнет из-за того, что моя жена – зэчка?

Я молчу. Воздух кончился. Его нет в лёгких, его нет в этой комнате, его нет нигде…

– Адиль, – говорю глухо. – Что ты такое говоришь? Мы же пять лет…

На заднем фоне динамика неожиданно пробивается звон хрустальных бокалов, приглушенный смех и ритмичная басовитая музыка.

– Ты что… там развлекаешься… пока я здесь? – всхлипываю, отказываясь верить в происходящее. Вместо того, чтобы штурмовать изолятор и требовать выпустить свою невиновную жену, он весело проводит время?! – Ты там… с женщинами?

– У шефа юбилей. Здесь только сотрудницы. Я обязан здесь быть.

Он обязан. Отцу, государству, шефу, но только не мне!

– Адиль, я прошу тебя… – сглатываю горькую слюну. – К маме съезди. Проверь её. У неё сердце...

– Съезжу на неделе.

– На неделе?! – ахаю, растирая распирающую грудь слева.

– Всё, Катя, мне пора заходить в зал. Не звони сюда больше.

И он кладёт трубку, возвращаясь к своей привычной реальности.

А я стою с отрытым ртом и слушаю короткие гудки. Раз, два, три. Цифры больше не спасают.

Конвойный трогает меня за локоть:

– Ну всё, пошли давай.

И я послушно иду, а тело не чувствую. Нет-нет… Я отказываюсь верить! Садыков просто в шоке, завтра он одумается и что-нибудь придумает, как вытащить меня отсюда.

Но как он смеет торчать на вечеринке, когда я в таком ужасном положении?! Как его только совесть не мучает?

Он сказал «разводимся». Сказал «зэчка», словно грязью облил. И кто? Мужчина, который целовал меня в плечо и говорил «мы справимся, Катюш, мы же одна семья».

Рухнула семья. Отказался от меня, предал, подонок!

Дверь камеры закрывается с оглушающим лязгом. Я сажусь на лавку, прижимаю колени к груди и обхватываю их руками. Меня трясёт. Мелко, крупно, всю, с головы до ног.

Закрываю глаза и слышу, как за бетонной стеной кто-то истошно вопит.

Или, может быть, это я?

***

– На выход, Садыкова. К тебе пришли.

Меня снова ведут по коридору. Неужели Адиль приехал? Ну, конечно, я знала, что он не бросит меня на произвол судьбы! Прошло уже трое суток с момента моего задержания и наконец, он что-то придумал.

На ходу лихорадочно одёргиваю мятую кофту, пытаюсь хоть как-то пальцами расчесать спутанные волосы. В груди вспыхивает глупая, отчаянная надежда.

В следственной комнате у окна стоит мужчина.

Высокий. С безупречно прямой спиной – так стоят люди, привыкшие отдавать приказы, а не подчиняться. Казенный кабинет с облупившейся краской и решёткой на окне кажется слишком тесным для его тяжелой, давящей ауры.

Строгий темный костюм. Выбритые до синевы щеки, короткая седеющая стрижка. Взгляд – тяжелый, сканирующий, не выражающий абсолютно ничего человеческого.

Генерал Айдар Наильевич Садыков.

Мой свёкор. Человек, который желал мне исчезнуть из жизни его сына с первой секунды нашего знакомства.

Глава 2

– Здравствуй, Катя, – произносит он с давящим спокойствием.

– Здравствуйте, Айдар Наильевич, – голос едва повинуется мне.

Он делает конвоиру короткий жест хозяина положения. И тот просто разворачивается и молча закрывает тяжелую дверь с той стороны.

Мы остаёмся вдвоём в тесной следственной комнате.

Свёкор разглядывает меня медленно, отстранённо и холодно. Я чувствую, как лицо обжигает запоздалым стыдом за свой мятый вид и спутанные волосы, но взгляд не отвожу. Лишь сильнее стискиваю зубы.

Не дождётся. Он всегда мечтал увидеть, как я сломаюсь.

– Ну как ты тут? – спрашивает без тени сочувствия.

– Нахожусь в восторге, – выдыхаю с горьким сарказмом и скрещиваю руки на груди, пытаясь унять дрожь. – Где Адиль? Почему приехали вы, а не мой муж?

– Сын заботится о своей репутации и карьере. И я его понимаю.

В груди что-то болезненно колет. Мне ли не знать, как Адиль трясется над своим местом в МИДе...

– Дело дрянь, Катя, – продолжает генерал, делая медленный шаг к столу. – Я посмотрел материалы. Электронная подпись – твоя. Транзакции шли через твои персональные ключи. Сумма урона семьдесят два миллиона рублей. Потерпевшая сторона крупный государственный подрядчик. Тебе грозит часть четвёртая статьи 159. До десяти лет колонии. С полной конфискацией имущества.

Он замолкает. Даёт этим страшным словам осесть в сознании, повиснуть в воздухе многотонной плитой.

Следователь уже зачитывал мне эту формулировку. Но тогда я была глуха от шока. А сейчас... Они заберут у меня квартиру, где проживает мама? Выгонят ее на улицу? Господи Боже! У неё больное сердце, она не перенесёт всего этого.

Вот машину – не жаль. Это подарок мужа. А деньги на квартиру я заработала сама.

Мне дадут десять лет. Стукнет почти сорок, когда выйду. Это же… просто крах!

– Но, – произносит Айдар Наильевич, и в его голосе появляется новая, опасная нота, – я могу тебя вытащить.

Я замираю, забывая, как дышать.

Смотрю на него и не верю собственным ушам. Человек, который с первого дня знакомства искренне меня презирал, прямо сейчас обещает мне свободу? Неужели Адиль всё-таки одумался? Умолял отца вмешаться? Зачем тогда затеял этот страшный разговор про развод?

– У меня есть ресурсы, Катя. Связи. Люди, которые обязаны мне жизнью и карьерой. Один мой звонок – и следственная группа начнет искать настоящих виновников. А ты выйдешь отсюда. Без судимости. С чистым именем. Но...

Снова это ледяное «но».

Потому что такие мужчины, как Айдар Наильевич Садыков, ничего не делают из милосердия. Тем более для неугодной невестки.

– Я вытащу тебя из этого дерьма, Катя, – он подступает ближе. На мгновение до меня доносится его парфюм – дорогой древесный аромат с нотами дорогого табака, странно и дико смотрящийся в этой обшарпанной комнатушке. – Но взамен ты будешь исполнять всё, что я прикажу.

В комнате становится нечем дышать.

– В каком... смысле? – голос мой падает до прерывистого шёпота.

– В самом прямом, – он смотрит мне прямо в глаза. Тяжело, не мигая, подавляя своей хищной аурой. – Ты будешь принадлежать мне. Не на одну ночь. А до тех пор, пока я не решу иначе. Слово «нельзя» для тебя отменяется. Слово «не хочу» – тоже. Ты принадлежишь мне. Когда я захочу. Где захочу и как захочу.

Меня будто обливают ледяной водой. Я отпрядываю назад, пока спина с размаху не упирается в холодную стену.

– Вы что, с ума сошли?! – выдыхаю с ужасом и отвращением. – Вы отец Адиля! А я жена вашего сына!

Свёкор молча достаёт из кармана массивные часы с гравировкой и неспешно кладёт их на обшарпанный стол.

– У тебя три минуты, Катя. Либо ты принимаешь мои условия и через сорок восемь часов уезжаешь домой. Либо я разворачиваюсь, и ты отправляешься на зону. По этапу, девочка. Сначала СИЗО, потом суд, потом женская колония. Ты хоть представляешь, что это такое?

Он делает паузу, и его взгляд становится еще жестче.

– Такие, как ты – чистые, домашние, привыкшие к уюту девочки – там ломаются за месяц. Из тебя выбьют всё человеческое. Ты сгниёшь за решеткой

Три минуты.

Слышно, как дёргается секундная стрелка. Тик. Тик. Тик.

Перед глазами проносится мама. Её бледное лицо у окна. Тонометр в запечатанной сумке.

Адиль на вечеринке под звон бокалов. «Мне не нужна жена-зэчка».

И зона. Десять лет ада. Нары, вонь, чужие жестокие глаза, ежедневное унижение...

Он прав. Боже, он во всём прав! Я не выживу там. Я сдамся в первый же месяц.

Но согласиться на это? Продать себя человеку, который меня презирает? Стать игрушкой для собственного свёкра?!

– Время выходит, Катя, – произносит он без единой эмоции.

Я поднимаю голову. Смотрю на него – уверенного, властного, убеждённого в своей безнаказанности. И внутри поднимается волна чистой, отчаянной ярости.

Безумный негодяй! Как он додумался предложить мне такую гадость?! Страшно представить, что со мной может сделать человек, который меня на дух не переносит! Он же растопчет меня! Уничтожит!

– Нет, – отрезаю я.

Ни один мускул не дёргается на его породистом лице.

– Нет? – переспрашивает он тихим, зловещим тоном. – Ты хорошо подумала?

– Адиль знает, с каким грязным предложением вы сюда пришли?! – с трудом удерживаюсь от крика. – Вы приехали сюда, чтобы, пользуясь моей бедой, предложить мне измену?!

– Сын подал на развод. Ты ему больше не жена.

– Вы на него надавили! – фыркаю я, сжимая кулаки до боли в ногтях. – Вы с самого начала искали повод избавиться от недостойной невестки!

– Адиль принял решение сам, – ровно отвечает генерал. – Но, если тебе так приятнее думать – думай.

Он неспешно застегивает пиджак, поправляет манжеты. Проверяет часы, убирая их обратно в карман.

– Я услышал тебя, Катерина.

Айдар Наильевич разворачивается к выходу. Шаг. Ещё шаг.

У самой двери он останавливается. Не оборачиваясь, бросает через плечо – тихо, но так, что каждое слово впечатывается в мозг:

– Ты сама меня позовёшь. Но предупреждаю... – он делает паузу, и я вижу, как перекатываются желваки на его скулах. – Тогда цена твоего спасения будет намного выше.

Два коротких удара костяшками пальцев по железу. Замок щёлкает. Дверь распахивается, и свёкор выходит, даже не глянув в мою сторону.

Ноги подкашиваются. Я сползаю по стене на линолеум.

В ушах молотит пульс. В голове гулом отзывается его последняя фраза: «Ты сама меня позовёшь».

– Никогда... – шепчу в пустую темноту комнаты, обнимая себя за плечи. – Никогда в жизни я вас не позову. Лучше сгнию здесь, чем трахаться с Вами, мерзавец!

Глава 3

Не знаю, сколько уже прошло часов. В этой камере времени не существует – оно застыло в густом желтом свете лампочки под потолком. Она не гаснет никогда. Выедает сетчатку, пробивается даже сквозь зажмуренные веки, не оставляя ни единого шанса провалиться в спасительный сон.

Я лежу на деревянном настиле, подложив под голову свернутую кофту. От ткани едва уловимо пахнет парфюмом «Шанель», подарок Адиля на последнюю годовщину. Он тогда обнял меня за талию и прошептал на ухо: «Французская классика для моей идеальной жены».

Господь, заставь меня это забыть!

Резко поворачиваюсь на бок и утыкаюсь лицом в холодный бетон.

От угла к центру потолка тянется извилистая черная трещина, похожая на вскрытую вену. Я фиксирую на ней взгляд и заставляю свой мозг делать то, что он умеет лучше всего: анализировать.

Цифры. Проводки. Реестры доступа.

Моя электронная подпись. Кто мог к ней добраться? В «СтройКапиталГрупп» ключами такого уровня обладали всего трое: я, генеральный директор и заместитель по безопасности – Игорь Валерьевич Князев.

Князев.

Меня будто током обжигает. Сажусь на лавке так резко, что стены на мгновение плывут перед глазами.

Несколько месяцев назад он заходил в отдел бухгалтерии под предлогом внеплановой проверки электронного документооборота. Стоял у меня за спиной, пока я вводила пароли, задавал дотошные вопросы. А потом попросил оставить его в кабинете «для сверки со служебной базой». И я ушла! Ушла на часовой обед, оставив флешку-токен в компьютере!

Вскакиваю. Пальцы леденеют от осознания.

Логическая цепочка замыкается с щелчком. Это не ошибка, это филигранная подстава!

Подбегаю к двери и изо всех сил вбиваю кулак в тяжелое железо.

– Эй! Кто-нибудь! Мне нужно срочно видеть следователя!

Тишина.

– Вы слышите?! – бью снова и снова, не обращая внимания на сбитые костяшки. – Я знаю, кто это сделал!

За дверью раздаются неторопливые тяжелые шаги. Засов со скрипом отъезжает в сторону.

На пороге появляется женщина в форме, с осунувшимся лицом и провалившимися темными кругами под глазами.

– Чего как оглашенная орешь? – спрашивает она лениво и недружелюбно.

– Позовите следователя, – выдыхаю я, задыхаясь от накрывшего возбуждения. – Пожалуйста! Я вспомнила. Это зам по безопасности, Князев. У него был доступ к моим паролям!

Лейтенант смотрит на меня вымороженным рыбьим взглядом. В нем нет ни интереса, ни удивления – только глубокая усталость от очередного «невиновного» арестанта.

– Вызовет, когда посчитает нужным, – ровно отрезает она. – Жди.

***

Железный засов с грохотом сдвигается, разрывая липкую тишину камеры.

Я даже не поднимаю головы с нар – глухо забиваюсь в угол, сжимая в кулаках края сырой подушки.

В камеру буквально вталкивают женщину. Металлический засов снова въезжает в пазы.

– Аккуратнее, – ворчит новоприбывшая, отряхивая рукава вполне приличного, хотя и помятого бежевого пальто.

Ей на вид лет сорок пять. Короткая аккуратная стрижка, ухоженные руки, правда, в глазах злость. Сразу видно: человек из цивильной, сытой жизни, попал в этот ад совсем недавно.

Она оглядывает помещение, морщится от стойкого запаха хлорки и сырости, а затем цепляет взглядом меня.

– Места свободны? – спрашивает она.

– Выбирайте любые, – с трудом выдавливаю я. Голос после слез звучит осипшим. – Тут выбор небольшой.

Женщина садится на край противоположных нар, аккуратно постелив под себя шарф. Вытягивает ноги, выдыхает со свистом.

– Инна, – говорит она. – Главный бухгалтер холдинга. Точнее, бывший главный бухгалтер.

– Катя... Тоже бухгалтер.

Инна горько ухмыляется, и в её взгляде вспыхивает сочувствие.

– Коллега, значит. Статья тоже родная, сто пятьдесят девятая?

Я только молча киваю.

– Классика, – Инна опирается спиной о бетонную стену. – Корпоративные войны, навесили чужие долги? Или подпись слили?

– Электронная подпись, – выговариваю я, и в горле снова встает ком. – Семьдесят два миллиона. Я ничего не брала, понимаете, Инна? Ни копейки! А муж... он подал на развод прямо отсюда, по телефону.

– Подонок, – отрезает она без колебаний. – Мужья в таких ситуациях испаряются первыми. Мой тоже побежал переписывать имущество на мамочку, едва за мной дверь квартиры закрылась. Ты главное не смей киснуть, Катя.

– Что же мне радоваться теперь? – обнимаю колени. – У них все документы против меня. Никто не хочет вмешиваться...

Естественно, о грязном предложении генерала я ни слова не сказала. Я пока еще не сошла с ума, чтобы вывалить подобное на незнакомую женщину.

– Слушай меня внимательно, Кать, – говорит Инна, подвигаясь ближе. Голос её снижается до заговорщицкого шепота. – Выход есть. Мне дали один контакт. Человек берется за безнадежные экономические дела. Строгий, дорогой, но умеет ломать схемы следствия. Зовут Воронов Вадим Аркадьевич. Мне родственники передали его номер, я успела заучить. Записывать тут нечем, поэтому заучивай с моих слов.

Внутри что-то судорожно сжимается.

Маленькая, крошечная искра. Надежда? Боже, я же сама себе пообещала, что не сдамся! Что не уступлю свёкру. Найду способ очистить имя без того, чтобы продавать себя в рабство старому генералу!

– Запоминай, Катя, – повторяет Инна, четко диктуя цифры. – Через конвой за пачку сигарет или через дежурного попросишь сделать звонок. Скажешь, от меня. У тебя есть деньги на первое время?

– На карте остались сбережения...

– Отлично. Звони. Пусть он хотя бы взглянет на материалы.

***

Следующие сутки проходят как в тумане.

С помощью Инны и пары тысяч рублей, скрытых дежурным в кармане, мне удаётся передать просьбу. И уже на следующий день конвой отпирает дверь:

– Садыкова. К тебе адвокат.

Сердце бьётся где-то в самом горле. Я быстро поправляю одежду, глотаю сухой воздух и практически выбегаю в коридор.

Пожалуйста... Пусть он согласится. Пусть найдёт хоть зацепку, хоть щель в этом идеальном фальшивом обвинении!

В следственном кабинете за столом сидит мужчина лет пятидесяти. Острый взгляд сквозь очки в тонкой оправе, дорогой портфель из потертой кожи, перед ним лежит тонкая папка с распечатками моего дела.

– Катерина Сергеевна? – он подталкивает стул. – Садитесь. Я Вадим Аркадьевич.

Я опускаюсь на стул, сжимая пальцы в замки.

– Вадим Аркадьевич, меня подставили! – начинаю торопливо, захлебываясь словами. – Электронный ключ лежал в сейфе, но доступ был у генерального и у системного администратора.

Адвокат не перебивает. Он молча слушает, изредка делая пометки в блокноте паркеровской ручкой. Его лицо остается совершенно непроницаемым.

– Вадим Аркадьевич, вы сможете взяться? – выдыхаю я, подаваясь вперед. – Я заплачу! Отдам все сбережения, если нужно.

Воронов медленно снимает очки, достаёт платок и начинает протирать стекла. Этот жест, кажется, длится вечность.

Ну же!

– Катерина Сергеевна, – произносит юрист сухим тоном. – Я изучил фабулу обвинения, которую мне успели скинуть ваши коллеги, и поверхностно взглянул на материалы.

– И?

– И я не возьмусь за ваше дело.

– Но... почему? Вы же специалист по экономическим статьям! Инна сказала...

– Инна Владимировна переоценивает мои возможности, – отрезает Воронов, аккуратно убирая ручку в карман пиджака. – Запомните, Катерина: адвокаты – не волшебники. В вашем деле электронная цифровая подпись подкреплена двухфакторным подтверждением с вашего личного номера телефона. СМС-код пришел на ваш аппарат, когда он находился в зоне покрытия той же вышки, что и офис.

– Это невозможно! Мой телефон всегда был со мной!

– Значит, сделали дубликат сим-карты или поставили зеркало, – холодно констатирует он. – Но экспертиза следствия показывает: подпись ваша, телефон ваш, IP-адрес ваш. А главное...

Он делает паузу и выразительно смотрит мне в глаза.

– Главное – кто выступает потерпевшим. Подрядчик Министерства обороны. На дело наложен гриф частичной секретности. Следователь – майор Глухов, он работает исключительно по «указанию сверху».

– Но я невиновна! – мой голос срывается на крик.

– В уголовном процессе нет понятия «невиновна», есть понятие «доказано» или «не доказано», – Воронов встаёт, подбирая портфель. – Ваша вина доказана идеально. Это тонкая, безупречная работа профессионалов. Чтобы сломать такую конструкцию, нужны не просто деньги. Нужен ресурс уровня первого замминистра или Генеральной прокуратуры. У вас есть такие связи?

Перед глазами тут же всплывает холеное, жесткое лицо свёкра.

«У меня есть ресурсы, Катя. Связи. Люди, которые мне должны...»

– Нет... – шепчу, опуская голову. – У меня нет таких связей.

– Тогда мне жаль, – адвокат делает шаг к двери. – Я не берусь за заведомо проигрышные дела и не беру деньги за иллюзии. В вашей ситуации лучший вариант – признать вину,

оформить сделку со следствием и выторговать минимальный срок. Лет шесть колонии общего режима. С учетом хорошего поведения выйдете через четыре.

– Шесть... лет? – губы едва двигаются.

– Это максимум, что вам светит при хорошем раскладе. Всего доброго, Катерина Сергеевна.

Дверь закрывается за его спиной.

Я остаюсь сидеть на жестком стуле абсолютно одна.

Надежда, которая грела меня последние двадцать четыре часа, рассыпается в серую, невесомую пыль.

Шесть лет. Или десять. Кажется, нет между этими цифрами разницы. В сырости, среди чужих жестоких людей, с выжженной репутацией и осознанием, что мама может не дожить до моего освобождения.

Никакой адвокат не поможет. Никакие сбережения не спасут. Система сжует меня и выплюнет.

И в этой оглушающей тишине казенного кабинета в моей голове с ужасающей отчетливостью звучит баритон генерала Садыкова:

«Ты сама меня позовёшь. Но тогда цена спасения будет намного выше...»

Глава 4

Дождавшись полуночи, когда в коридоре сменяется дежурный и гаснет основной свет, Инна подходит к двери. Через пару минут в её руки соскальзывает завернутый в тряпку кнопочный аппарат.

– Пять минут, – шепчет конвоир и тут же отходит.

– На, звони, – Инна вкладывает пластиковый корпус мне в ладонь. – Только быстро и без лишних слез. Говори четко и по делу.

Пальцы не слушаются, но память выбивает цифры на автомате. Каждая кнопка отзывается писком, который в тишине камеры кажется чересчур громким.

Гудок. Еще один.

– Слушаю, – раздается в динамике.

Голос Адиля звучит непривычно глухо, с легким эхом. На заднем плане пробивается ненавязчивый шум – фоновая музыка, объявления по громкой связи на английском и стук колесиков чемоданов по глянцевому полу.

– Адиль, – выдыхаю я, почти прижимаясь губами к пластику. – Адиль, постой, не вешай трубку! Я знаю, кто меня подставил!

– Катя? – в его тоне вспыхивает резкое раздражение. – Откуда у тебя телефон? Ты в своем уме?! Если опера перехватят звонок...

– Слушай меня! – перебиваю я, сжимая аппарат так, что белеют костяшки. – Это Князев! Зам по безопасности. Он заходил в бухгалтерию два месяца назад, стоял у меня за спиной и брал флешку-токен, пока я была на обеде. Он слил подпись! Проверь его, Адиль! Попроси своих людей проверить его счета! Умоляю!

В трубке повисает пауза. Ни шока, ни удивления, лишь усталый, затяжной вдох.

– Катя, мне совершенно плевать, что вы там не поделили с любовником, – отвечает муж холодно.

– С любовником?! – меня буквально колотит от его тона. – Адиль, кто тебе это сказал?

– Неважно.

– Это неправда! Не верь! Давай встретимся, поговорим? Где ты вообще?! Что это за шум?

– Я в Шереметьево. В VIP-терминале, – отрезает Адиль. – У меня дипломатическая командировка в Женеву. На месяц. По линии министерства.

Отлично, просто замечательно.

Пока я считаю дни в сырой камере в ожидании суда, он собирает свои кожаные чемоданы и улетает в Швейцарию. Еще и любовника мне приписал!

– Ты уезжаешь... – повторяю глухо, чувствуя, как внутри выгорают последние угли надежды. – Завтра у меня допрос, а ты просто улетаешь?

– Я не могу двигать графики МИДа из-за твоих проблем с законом, Катя. Я и так из-за этой ситуации чуть не вылетел из делегации. Всё, мне пора на посадку...

И тут на заднем плане раздается женский голос. Смеющийся, капризный, бархатный:

– Адильчик, ну ты долго там с рабочими звонками? Идем, нам уже индивидуальный коридор открыли! Я кофе хочу.

Адиль слишком поздно зажимает микрофон ладонью, я успеваю услышать каждое слово.

Воздух в горле застревает горьким комком.

– Кто это? – шепчу ломающимся голосом.

– Сотрудница из отдела, – мгновенно отвечает Адиль, но в его тоне проскальзывает фальшь. – Пресс-атташе нашей группы. Нам пора.

– Сотрудница?.. – горько ухмыляюсь, чувствуя, как липкая ледяная волна накрывает с головой. – Она назвала тебя «Адильчик».

– Катя, у тебя паранойя на фоне стресса, – сурово перебивает он. – Не ищи врагов там, где их нет. И не звони мне больше на этот номер. Бумаги на развод тебе принесут прямо в СИЗО.

– Ты предатель, – тихо выговариваю я. – Ты просто бросил меня... и нашел замену.

– Удачи на суде, Катя.

Короткие гудки.

Раз, два, три...

Медленно опускаю руку. Сердце больше не колотится, оно словно превратилось в кусок замерзшей грязи.

Адиль не просто испугался за карьеру. Он воспользовался моим арестом как удобным поводом перечеркнуть пять лет нашей жизни и улететь в Европу с новой любовницей.

– Закончили? – конвойный тихо стучит в железное окошко.

Молча отдаю Инне сотовый.

– По лицу твоему вижу – кобель, – лаконично резюмирует Инна, отдавая телефон. – Ну что, подруга? Какие еще есть варианты? Давай пораскинем мозгами.

Сажусь на деревянные нары, упираюсь взглядом в черную трещину на потолке и медленно выдыхаю.

Пять лет я складывала нашу жизнь по крупицам: выглаживала его рубашки, выбирала цвет штор в наш дом, верила каждому «люблю», сказанному перед сном. А прямо сейчас он стоит в VIP-терминале Шереметьево, слушает кокетливый смех новой бабы и с лёгкостью вычеркивает меня из своей жизни.

Была любимая жена – и нет жены, осталась только «зэчка», о которой стыдно упомянуть в министерских коридорах.

Шесть-десять лет колонии. Князев, который сейчас пьет дорогой коньяк на украденные миллионы. Генерал Садыков, который ждет моего звонка, зная каждый шажочек своего сына-подонка наперед.

Да чтоб вы все провались к чертовой матери!

***

Кабинет следователя пахнет остывшим дешёвым кофе. Майор Глухов даже не смотрит на меня, размеренно и равнодушно стучит по клавишам засаленной клавиатуры, набивая очередной протокол.

– Кабинет был открыт! – я подаюсь вперёд, впиваясь пальцами в край прикрученного к полу стола. – Князев специально выставил меня на обед! Посмотрите записи с камер в коридоре! Потребуйте биллинг его второго телефона! Он скопировал сертификат подписи, пока я ходила за кофе!

Глухов останавливает пальцы над клавишами. Медленно, с тяжело скрываемым раздражением поднимает на меня налитый свинцом взгляд.

– Садыкова, ты меня за дурака держишь? – произносит он с ленивой скукой. – Каждый второй бухгалтер тут мне сказки рассказывает про злых системщиков и подброшенные флешки. У меня на столе два заключения экспертизы. Подпись твоя. СМС-код ушёл с твоего мобильного. Всё. Точка.

– Но я же вам только что объяснила схему! Позовите его на очную ставку!

– Свободна, – отрезает Глухов и с сокрушительным треском хлопает папкой по столу. – Нарушать порядок следствия из-за твоих фантазий я не буду. Послезавтра предъявление обвинения в окончательной редакции. Конвой!

Внутри что-то окончательно рвётся, и руки бессильно опускаются на колени.

***

Делаю шаг через порог камеры и замираю. На моих нарах, там, где лежала свёрнутая кофта, вальяжно развалилась незнакомая баба.

Лет сорока, в потёртой вязаной шапке, надвинутой до самых бровей. На шее у нее синеватая, расплывшаяся наколка, лицо изрыто глубокими морщинами, из прокуренных, искусанных губ торчит спичка.

Инна сидит на противоположном настиле и делает мне едва заметный, предостерегающий знак глазами: не лезь!

Но во мне, сожжённой предательством Адиля и глухотой следователя, закипает отчаянная ярость. У меня уже почти отняли честное имя, мужа, свободу, имущество... Если я отдам ещё и шконку – от меня вообще ничего не останется. Саму себя перестану уважать.

– Это моё место, – выговариваю я, подступая к нарам. – Встань.

Баба медленно поворачивает голову. Оглядывает меня с ног до головы выцветшими, злыми глазами.

– Чё сказала? – раздаётся в ответ хриплый прокуренный бас.

– Я сказала: ты села на мои вещи. Это моё место, я первая его заняла. Перебирайся на верхний ярус.

Бывалая сплёвывает спичку на бетонный пол и медленно поднимается. Она невысокая, но широкая в плечах, как комод. От неё разит кислым потом и ядрёным табаком.

– Ты чё, терпила, рамсы попутала? – суживает она глаза, и её голос падает до опасного шипения. – Твоё место теперь у параши, поняла? Ещё раз рот в мою сторону откроешь – я тебе твои голубые глазенки выколю и сожрать заставлю. Ты под кем ходишь, овца? За мной три ходки, я таких шестёрок, как ты, на завтрак без соли жрала.

Она делает шаг вплотную, и я физически ощущаю исходящую от неё угрозу.

– Пошла вон, – отрубает она и с силой толкает меня кулаком в плечо.

Я отлетаю на пару шагов назад, больно ударяясь лопаткой о железную стойку нар.

Шконку она, конечно, не отдаёт. Просто вальяжно садится обратно, сгребает мою кофту и с отвращением швыряет её прямо в грязный угол у параши.

Инна молча подхватывает меня под локоть и утягивает к себе, не давая продолжить конфликт.

Я сижу на краю ее нар, глядя на испачканную ткань своей кофты в углу, и меня колотит крупная, ледяная дрожь. Физическая боль в ушибленной лопатке ничто по сравнению со жгучим унижением, которое разрывает грудь изнутри. Меня только что швырнули, как паршивую собаку, и я бессильна что-либо сделать. Я не могу дать сдачи, хотя права.

Потому что здесь свои правила, своя логика, которая мне, увы, не подвластна.

Завтра меня заставят мыть этот бетон собственной кофтой, а послезавтра – просто убьют. И никто в целом мире не придёт меня защитить…

Глава 5

Новенькая наконец засыпает на моей шконке. Она спит, не снимая своей потертой шапки, и с булькающим храпом, от которого содрогаются нары.

Я сижу на самом краю верхних нар, поджав под себя ноги. Меня всё ещё колотит от недавней стычки, а в горле стоит горький ком от собственного бессилия.

Инна бесшумно подходит ближе. Её пальцы вцепляются в мой рукав, а губы касаются самого уха.

– Кать, послушай, – шепчет она еле слышно, косясь на хрипящую тушу. – Ты больше к ней не лезь. Вообще не подходи. Ни на шаг.

– Почему? – выдыхаю я, чувствуя, как кожа покрывается мурашками. – Она что, сумасшедшая?

– Хуже, – Инна делает паузу, и её дыхание становится рваным. – У неё сифилис. Запущенный, старый. И вши кишат. Она потому эту шапку и не снимает никогда – там под шерстью всё в язвах и расчёсах. Её из прошлой хаты сюда перекинули, потому что девки там бунт подняли.

Меня обдаёт ледяным потом.

Волна тошноты накатывает так резко, что я вынуждена зажать рот обеими руками. Смотрю вниз, на шконку, где спит эта отвратительная женщина, и меня накрывает панический, животный ужас.

Меня заперли в тесной коробке с заразной, озлобленной тварью, и системе абсолютно всё равно, выберусь я отсюда живой или меня сожрет здесь инфекция и грязь. Всё. Я стою на самом дне адова колодца, и сверху на меня валят мусор.

Перед глазами снова встаёт лицо генерала. Его чистые, выглаженные манжеты. Запах дорогого табака. Сухой, властный баритон: «Там такие, как ты, долго не живут. Ломаются за месяц».

Боже мой, он знал всё с самого начала! Знал, куда меня отправят, с кем поселят в одной камере и через какой ад прогонят!

Внутри меня что-то окончательно ломается. Гордость, наивная вера в справедливость, стыд – всё превращается в труху. Остаётся только дикий, звериный инстинкт выжить. Любой ценой.

Я поворачиваюсь к Инне. Мои глаза сухие, голос больше не дрожит.

– Инна, завтра утреннее дежурство у того конвоира. Мне снова нужен телефон. Сделаешь?

Инна вглядывается в моё лицо в сумерках камеры, видимо, замечая ту жуткую перемену, которая только что во мне произошла.

– Кому будешь звонить? – тихо спрашивает сокамерница. – Опять адвокату? Или мужу?

– Генералу Садыкову, – глухо отвечаю я.

***

Утренний проверочный обход проходит под глухой стук кормушки и брань охранников.

Едва шаги затихают в конце коридора, Инна незаметно подаёт знак. Дверное окошко чуть приоткрывается – тот же дежурный, те же спрятанные купюры и кнопочный мобильник снова оказывается у меня в ладони.

Личного мобильного генерала у меня в памяти нет. Но номер приемной Айдара Наильевича помню наизусть – Адиль заставлял заучить его на случай чрезвычайных ситуаций.

Пальцы больше не дрожат. Во мне не осталось ни страха, ни надежды – только чистая решимость утопленника, который сознательно шагает на глубину.

Гудок. Встречный клик.

– Приёмная генерала Садыкова, добрый день, – отзывается безупречно вежливый женский голос.

– Соедините с Айдаром Наильевичем, – говорю я. Голос от сырости и ночного холода сиплый, но звучит на удивление твердо.

– Кто его спрашивает? У генерала сейчас селекторное совещание, по какому вы вопросу?

– Передайте, что звонит его невестка по срочному делу.

На том конце провода повисает короткая пауза. Слышен щелчок переключаемой линии, шуршание перекладываемых бумаг, а затем – тяжелый, знакомый баритон.

Затем в динамике раздается его ровное, выжидательное дыхание. Он знал, что я позвоню. Чертова скотина!

Впиваюсь ногтями в пластиковый корпус телефона и произношу всего одну фразу:

– Это Садыкова. Приезжайте.

И, не дожидаясь ответа, сама нажимаю кнопку отбоя.

***

Проходит меньше двух часов.

Засов отлетает с щелчком и конвойный даже не гавкает привычное «на выход» – он просто отступает в сторону, освобождая проход.

Меня ведут по коридору, но на этот раз не подталкивают в спину.

В следственной комнате ждёт Айдар Наильевич. На этот раз одет по форме.

Темно-зелёный китель с высоким воротником, золотое шитьё на петлицах, массивные генеральские погоны. Строгая, идеальная выправка.

В этой обшарпанной казенной комнатушке с облупившейся краской его фигура выглядит откровенно подавляюще. Он не просто владеет положением – он смотрится как высшая власть, перед которой эта тюрьма – лишь мелкая деталь.

– Быстро ты, – произносит он ровно, даже не поворачивая головы от окна.

Конвоир бесшумно закрывает дверь с той стороны. Мы снова остаёмся вдвоём.

– У меня нет выбора, – отвечаю я, останавливаясь в двух шагах от стола. – И вы это прекрасно знали.

Айдар Наильевич медленно разворачивается. Его тяжёлый, сканирующий взгляд цепляет моё помятое лицо и спутанные волосы. Ни один мускул на его породистом лице не дёргается.

– Выбор есть всегда, Катерина, – произносит он, подступая ближе. – Просто ты наконец трезво оценила реальность.

– Адиль улетел, – слова вырываются сами. Не ради жалости, просто чтобы окончательно поставить точку в собственном прошлом.

Свёкор чуть приподнимает бровь. На его губах появляется сухая, тёмная усмешка.

– В Женеву? В дипломатическую командировку?

– Да...

– Мой сын всегда умел красиво пизд*ть, – в тоне генерала звучит откровенное презрение к собственному отпрыску. – У него нет никакой служебной поездки, Катя. Это романтический вояж.

В груди что-то мелко колет, но тупая анестезия отчаяния не даёт боли разгореться.

– С кем? – тихо спрашиваю я.

– С дочерью замминистра. С той самой «сотрудницей», с которой он крутит роман последние полгода. Твой арест для него – не трагедия, а идеальный повод избавиться от простолюдинки и оформить окончательный билет в нужные семьи. Он сейчас пьет шампанское в бизнес-классе и забыл твое имя.

Понимание впечатывается в мозг раскаленным клеймом. Никаких сомнений больше нет. Никаких «а вдруг».

Я осталась одна против всего мира. И единственный человек, способный вытащить меня из этого дерьма – стоящий напротив мужчина в генеральском кителе.

Мне просто не оставили выбора. Каждый выживает, как может. Главное выйти, а потом… В конце концов, от Садыкова можно будет сбежать. Или я быстро ему надоем.

– Я согласна, – говорю я, глядя ему прямо в глаза.

В холодных глазах свёкра вспыхивает хищный огонёк.

– Повтори.

– Я согласна на ваши условия, – чеканю я, хотя внутренности скручивает ледяным узлом. – Вы вытаскиваете меня отсюда и очищаете моё имя.

– Напомнить детали нашей сделки? – его баритон опускается до интимного шепота. Он подступает вплотную, и запах его дорогого табака полностью вытесняет вонь помещения. – Новую жизнь ты начнешь подо мной. Ты не жена, не любовница. Ты моя. Полностью. С той секунды, как ты выйдешь за эти ворота, слово «нельзя» для тебя перестанет существовать. Слово «не хочу» – тоже. Ты будешь делать всё, что я скажу.

Делаю глубокий вдох, ощущая, как с этим воздухом окончательно рушится моя прежняя жизнь. Стыд, гордость, мораль – всё сгорает дотла.

– Я сделаю всё, что вы прикажете. Только спасите меня отсюда.

– Умница, – говорит он, зачем-то снимая китель и вешая его на спинку кресла. – Взрослый и осмысленный выбор. Без истерик и глупостей. Мне нравится.

Он отступает на шаг. Садится в кресло, расставив ноги, и смотрит на меня долго и оценивающе. Взгляд тяжёлый и влажный. Так смотрят не на человека, так смотрят на вещь, которую только что купили.

– Я сдержу своё слово, Катя. Через двадцать четыре часа ты выйдешь отсюда и навестишь мать. Дело закроют. Чисто и без последствий.

И вдруг ко мне приходит понимание: ему не тело моё нужно. Ему нужно, чтобы я сломалась. Чтобы встала перед ним на колени и благодарила своего единственного спасителя.

И что-то он сделает именно сейчас. Здесь. Сразу. Чтобы закрепить сделку. И эта мысль вызывает спазм в горле.

– Волосы собери, – говорит свёкор ровно. – В хвост. Высоко. И встань передо мной на колени.

У меня внутри всё обрывается.

Руки дрожат, когда я поднимаю их к голове. Пальцы путаются в прядях – немытых, тусклых, но всё ещё густых и длинных. Стягиваю их резинкой. Высоко. Как он сказал.

Движения медленные, механические. Как во сне. Как в кошмаре, из которого нельзя проснуться.

Смотрю на генерала Садыкова. На его парадный китель с орденскими планками. На тяжёлый подбородок. На руки – крупные, холёные, с перстнем на безымянном пальце.

И больше не борюсь. Будь что будет! Я сломалась и устала. Я хочу на волю.

Делаю шаг вперёд и опускаюсь перед ним на корточки.

– На колени, я сказал.

Колени касаются холодного линолеума. Жёстко. Пол ледяной, и холод поднимается по телу – от коленей к бёдрам, от бёдер к животу, от живота к горлу.

Поднимаю глаза. Свёкор смотрит на меня сверху вниз. Лицо спокойное. Властное. И в этом лице нет никакой пощады.

– Вот так, – говорит он тихо. – Вот это правильно. Вот так ты и должна выглядеть. На коленях. С высоким хвостом. Глаза в пол. Ты даже не представляешь, Катя, как долго я этого ждал.

Я молчу. Губы дрожат. Слёзы подступают к глазам, но я держу их. Из последних сил. Не заплачу! Не сейчас. Не при нём.

Он наклоняется. Берёт меня за подбородок жёстко, пальцы как стальные. Поднимает моё лицо вверх и смотрит в глаза.

– Ты красивая, – говорит он. – Этого у тебя не отнять. Но я не нежный и не ласковый. И не понимающий. Я не тот мужчина, о котором ты, возможно, мечтала в юности. Я требовательный. Жёсткий. Ты будешь делать вещи, которые тебе не нравятся. Вещи, от которых тебя тошнит. Вещи, которые тебе даже в голову не приходили. Но ты будешь их делать. Без возражений. Без саботажа. Без этого твоего – «а можно помедленнее и нежнее».

Чувствую жар его тела.

Вижу вздувшуюся ширинку на его форменных брюках.

Он накрывает мою макушку ладонью. Тяжело. Вдавливая.

– На меня смотри.

Открываю глаза и поднимаю лицо. Встречаю его взгляд – тяжёлый, холодный и властный.

– А теперь докажи верность своему слову. Вытащи его и возьми в рот так глубоко, как только сможешь…

Глава 6

Меня заводят в новую камеру, и охранник уходит, чуть ли почтительно запирая за мной дверь.

Я оглядываюсь вокруг. Это не стандартная душная хата. Это чистый, полулюксовый бокс. Кремовые стены без трещин, настенный телевизор, транслирующий какой-то беззвучный новостной канал, аккуратная кровать со свежим бельем, пахнущим дешевым кондиционером.

И раковина в углу. Настоящая, фаянсовая, с хромированным краном, из которого при повороте вентиля тут же по служебным трубам бежит горячая вода.

На пластиковой полочке рядом лежит новенький гигиенический набор в целлофане.

Я тотчас хватаю зубную щетку, выдавливаю на щетину толстый слой мятной пасты и начинаю яростно, до боли, раздирая десны в кровь, чистить зубы.

Тереть язык. Полоскать рот горячей водой снова и снова, пока от ментола не начинает гореть все горло.

Я пытаюсь избавиться от этого привкуса.

Привкуса члена и спермы генерала Садыкова.

Опираюсь мокрыми руками о края раковины и закрываю глаза.

Это длилось всего пять или семь минут.

Самые унизительные и уничтожающие минуты в моей жизни.

Генерал не стал ждать обещанных сорока восьми часов до освобождения. Ему не терпелось закрепить нашу сделку, поскорее поставить меня на колени. Показать, что меня ждет рядом с ним.

Я до сих пор вижу этот дикий, ломающий психику контраст: его безупречный парадный китель, золотое шитье на генеральских погонах – и я.

На коленях перед ним на затоптанном полу следственного кабинета. С наспех собранными в хвост волосами, чтобы не мешали ему грубо брать мой рот.

Его тяжелые, безжалостные ладони на моем затылке, и тихий, приказной шепот: «Послушная девочка. Привыкай».

Он заставил меня отсосать ему прямо там, под прицелом закрытой двери. Холодно глядя на меня сверху вниз, как на вещь. И я подчинилась, потому что не могла поступить по-другому. Стояла на коленях перед отцом своего мужа, глотая слезы и собственную гордость.

А потом и его сперму, да, которой он выстрелил мне в горло.

Внутри всё горит от удушающего, грязного стыда. Я чувствую себя дешевкой. Использованной, растоптанной тряпкой, которую брезгливо перекинули в чистую камеру после употребления.

Душевные страдания накатывают такой плотной волной, что мне физически не хватает воздуха в этом боксе. Я вытерпела предательство Адиля, вытерпела угрозы сокамерницы, но то, что я сделала ради свободы десять минут назад, вытравить из памяти уже не получится никогда.

Раздается легкий стук в кормушку. Она открывается плавно.

Надзиратель аккуратно просовывает внутрь широкий поднос. На нем нет тюремной миски.

Там лежит сочный стейк с золотистым картофелем «беби», свежая нарезка из помидоров и зелени, белый хрустящий хлеб и даже пирожное в пластиковом контейнере. Царский ужин.

Генерал Садыков решил побаловать свою новую игрушку за доставленное удовольствие. Поощрить за хорошую службу.

Смотрю на это сочное мясо, и к горлу подкатывает мгновенная, неуправляемая тошнота. Мерзавец, ну какой же он мерзавец!

***

Ночь проходит в непривычной, почти пугающей тишине. Ни криков надзирателей в коридоре, ни скрежета засовов, ни булькающего храпа сифилитической соседки над ухом.

Благодать!

Утром мне приносят завтрак, от одного вида которого хочется плакать: пышный омлет с зеленью, чашка настоящего, ароматного кофе и теплые круассаны. Прямо, как на курорте, черт возьми!

Я сижу на краю нар, бездумно глядя в экран беззвучно работающего телевизора. Мелькают кадры какой-то передачи про обманутых беременных женщин, но в голове крутится только одна мысль. Острая, как бритва.

Если бы меня сразу заперли в этой чистой комнате, дали горячую воду и нормальную еду – я бы никогда не согласилась! Никогда бы не опустилась на колени перед Айдаром Наильевичем. Моя гордость осталась бы цела. Но меня будто специально протащили по всем кругам тюремного ада.

Сначала ледяной шок, потом предательство Адиля, равнодушие адвоката, грязная камера и, наконец, вшивая, гниющая заживо зэчка, готовая выколоть мне глаза за сраную шконку.

Меня ломали. Долго, профессионально, выверяя каждый шаг.

Задумавшись, замираю с чашкой в руке.

Инна.

Увижу ли я её когда-нибудь? И была ли она вообще настоящей заключенной?

Главный бухгалтер крупного холдинга, которая «случайно» оказалась в моей камере, «случайно» знала телефон адвоката, который приехал только ради того, чтобы забить последний гвоздь в гроб моей надежды... И её жуткие откровения про соседку в не снимаемой шапке, которые окончательно лишили меня разума и подтолкнули к звонку генералу.

Она была подставной.

Твою же…

Вся эта жуткая пьеса была разыграна для одного зрителя – для меня. Генерал Садыков просто срежиссировал мою безысходность, а Инна сыграла свою роль безупречно.

От этой догадки кофе кажется горьким, как яд.

***

Вторая ночь в VIP-камере тянется бесконечно. А наутро за мной приходит надзиратель.

– Садыкова, на выход.

В кабинете следователя Глухова царит странная атмосфера. Никакой ленивой скуки на его лице больше нет. Он подтягивает ко мне стопку документов и протягивает ручку с непривычной, почти заискивающей вежливостью.

– Подпишите здесь, Катерина Сергеевна. И здесь.

– Что это? – мой голос звучит глухо.

– Постановление о прекращении уголовного дела в отношении вас. За отсутствием состава преступления, – Глухов даже не смотрит мне в глаза. – Все обвинения сняты. Вы свободны. Можете забрать личные вещи на проходной.

Я держу ручку, чувствуя, как пальцы леденеют.

Свободна.

В голове не укладывается!

Еще два дня назад мне пророчили десять лет колонии, а сейчас этот человек, который выставлял меня сумасшедшей, протягивает мне паспорт.

– Я могу... просто уйти? – шепчу, ставя размашистую подпись на гербовых бланках.

– Да, конечно. Вас уже ждут.

«Вас ждут». Вот она, ключевая фраза!

Уйти отсюда на своих ногах не представляется возможным. Я свободна от тюрьмы, но не от генерала Садыкова.

Ненавижу!

Мой паспорт и сумка с тонометром для мамы возвращается ко мне в руки.

Я выхожу через массивные железные ворота СИЗО, и в лицо ударяет резкий, прохладный воздух свободы. Но вдохнуть полной грудью почему-то не получается. Легкие будто сжимаются в тиски.

Прямо у ворот, преграждая путь, стоит массивный черный внедорожник со спецномерами. Задние стекла наглухо тонированы.

Дверь машины тут же открывается. Из нее выходит молчаливый шофер в темном костюме. Он делает несколько шагов мне навстречу, перехватывает мой скромный пакет с вещами и вежливо, но непреклонно указывает рукой на открытую заднюю дверь.

– Катерина Сергеевна, прошу вас. Айдар Наильевич ждет.

Смотрю на распахнутый кожаный салон автомобиля. Свобода оказалась лишь иллюзией – меня просто перевели из бетонной клетки в золотую. И у меня нет ни единого шанса сбежать. Он везде меня отыщет.

Молча сажусь на заднее сиденье.

Машина мягко трогается с места. Мы едем долго, минуя городские пробки, и наконец сворачиваем на загородное шоссе, петляющее среди вековых сосен. Внедорожник тормозит перед высокими коваными воротами элитного поселка.

Автоматика бесшумно впускает нас на территорию огромного поместья. В глубине участка, окруженный идеальным газоном, возвышается монументальный трехэтажный дом из темного камня и стекла.

Дом генерала Садыкова.

За пять лет брака с Адилем я ни разу не была здесь. Муж всегда находил отговорки: «Отец не любит гостей», «Отец слишком занят», «Нам там делать нечего».

Но правда была проще – для Айдара Наильевича я была пустотой, грязью на ботинках его породистого сына, недостойной даже переступить этот порог.

И вот я здесь.

Машина останавливается у парадного входа. Шофер открывает мне дверь, и я делаю шаг на брусчатку, глядя на возвышающийся надо мной особняк. Я наконец вошла в этот дом, но не как невестка.

А как личная вещь его хозяина…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.